
Вчера я шел по зале освещенной...

А. Фет

«Вчера я шел по зале освещённой...»

Все спят давно, полночная пора,
А он идет один, неугомонный,
Не в позапрошлом веке, а вчера!

И нет меж ним и нами расстоянья.
И всё, что с той поры произошло,
Отменено, ушло за край сознания,
Все испытанья, горести и зло.

Одна любовь на свете остается,
Она одна переживет и нас,
В углах таятся, в стенах отдается,
В дверях тайком оглянется не раз.

И вещи – вздор. Какие вещи в зале,
Кто помнит их? Не вазы, не ковры.
Где ноты те, что были на рояле?
Одной любовью движутся миры.

Всех звезд, всех солнц, всей жизни горячее,
Сильнее смерти, выше божества,

Прочнее царств, мудрее книгочея –
Ее, в слезах, безумные слова.

День проступает, еще слаб,
Из тьмы, светя издалека мне,
Как микеланджеловский раб –
Из неотесанного камня.
И мне уже видны сквозь тьму
Черты его на грубом ложе.
И я, конечно, рад ему,
Но и побаиваюсь тоже.

Будущее – это то, с чем дело
Мы имеем в старости, оно
С юности манило нас, блестело
И страшило, было суждено,
Если доживем, и удручало
Неизбежным перечнем потерь,
Не хотел бы всё начать сначала
И войти еще раз в ту же дверь.

Я дожил до будущего, понял,
Получил, осмыслил, осознал,
Постою тихонько на балконе,
Словно я покинул кинозал:
Фильм прекрасен, страшен и чудесен,
А финал, как всякий эпилог,
Как всегда, не очень интересен,
Даже если автор фильма – Бог.

Глухонемые в дачной электричке
Шли по проходу, мелкие вещички,
Поделки расставляя здесь и там, –
Вдруг кошечки их, зайчики и птички
Понравятся – и купят этот хлам?

Стеклянный, оловянный, деревянный,
Пластмассовый, дешевый, нежеланный,
Кому такое нужно барахло?
Ни в комнате держать его, ни в ванной
Не станете: стекло и есть стекло.

А даже если б мраморное было
Там что-нибудь, кого бы умилила
Артельная такая красота?
Но ты купила слоника, купила.
Вот лучшая, клянусь, в тебе черта!

Как мы жили недавно без интернета?
Так и жили, поскольку о нем не знали,
И, ей-богу, устраивало нас это,
Никакого сомнения и печали.

А Шекспир обходился без телефона,
Без железной дороги и самолета.
А без «Гамлета» нам бы определенно
Не хватало чего-то всю жизнь, чего-то.

Мы б не знали, чего. Мы б смотрели грустно,
Иногда говорили бы мы друг другу:
«Может быть, это кажущееся чувство?»
Надо как-нибудь выдержать эту муку».

Небо погаснет не всё и не сразу,
Свет заходящий похож на восход.
Так у Шопена печальную фразу
Вдруг жизнерадостный всплеск перебьет.

Как перемешано всё в этом мире,
Перетасовано – главный урок.
И по трехкомнатной ходишь квартире,
Как по Венеции, – был бы восторг!

Он и бывает, почти не завися
От объективного смысла вещей.
Были бы мысли, счастливые мысли
В блеске закатных последних лучей.

Искусство и есть продолжение жизни,
Но, может быть, в лучшем ее варианте,
Где нас не заденет ни дальний, ни ближний,
И дело не в шляпе, а дело в таланте.

И ты от судьбы не зависишь и рока,
И нету ни горя, ни смерти, ни страха,
А только полночные вихри Ван Гога,
Венера, Даная, Олимпия, маха.

Искусство и есть продолжение леса,
Искусство и есть продолжение моря,
И нет никакого в искусстве прогресса,
А призрак живет и при нас в Эльсиноре.

И музыка учит расстегивать ворот,
И к шелку фиалок склонившись и примул,
Любить эту жизнь появляется повод,
В стихи ее взять появляется стимул.